Т. К. Сотникова-Ратнер

О КОНСТАНТИНЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ РАТНЕРЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Речь пойдет о человеке, прожившем недолгую жизнь в силу обстоятельств военного времени и не оставившем о себе иного следа, кроме упоминания его скромного имени в Блокадной книге Ленинграда, а также в качестве «третьего участника» известной студенческой экспедиции на Ямал в 1928–1929 гг. «зоолога К Я. Ратнера». Этой экспедиции посвящено несколько статей в научных журналах, о ней писал в начале восьмидесятых прошедшего века сибирский писатель и краевед А. К. Омельчук в своей книге «Рыцари Севера», а в 1987 году усилиями Надежды Васильевны Лукиной Томский государственный университет издал экспедиционные дневники другого ее участника, Валерия Николаевича Чернецова, известного советского этнографа и археолога, в те годы еще студента. Экземпляр этого издания был получен автором в 1995 году, по просьбе ленинградского геолога А. В. Лапо его мне прислал из Томска геолог и историк науки А. М. Малолетко, за что обоим выражаю самую сердечную благодарность.

Константин Яковлевич Ратнер по данным личного университетского дела родился 30 сентября 1906 года, но в послевоенной служебной анкете Елены Сергеевны Корженевской, его жены, стоит дата 1907 год. Отец его, житель Таганрога, служащий Азовско-Донского банка Яков Арнольдович Ратнер какое-то время заведовал корреспондентским отделом парижского его отделения. Эту должность он получил для лечения от костного туберкулеза двухлетней дочери Ирины в курортном городе Берк, в котором и родился Константин. После выздоровления девочки семья вернулась в Таганрог, и в служебных анкетах советского времени он указывал его местом своего рождения. Мария Тимофеевна Попель, уроженка Таганрога, была дочерью высланного в 1863 году из Подольской губернии Тимофея Попеля и его жены Генриетты, так же происходившей из семьи высланных поляков. Одноэтажный каменный дом, выстроенный ими не без поддержки состоятельных родителей Генриетты, все еще стоит в Таганроге. Любящие супруги родили девять детей — дочерей и сыновей. Подспорьем им служила деятельность Генриетты, снабжавшей сдобной выпечкой жителей окрестных улиц. Среди их внуков и внучек были врачи, музыканты, инженеры и ученые, жившие в Москве, Ленинграде, Таганроге, Ростове-на Дону и Кишинёве. Они оставили потомство не столь многочисленное, но вспоминали с благодарностью детство в большой дружной семье, в доме, окруженном просторным фруктовым садом, бабушку и дедушку, любимых домашних животных, доживавших у них до глубокой старости. Семейная легенда гласит

о близком соседстве и знакомстве с Чеховыми. Все могло быть в провинциальном русском городе в мещанско-купеческой среде, во всяком случае, Ирина Яковлевна придерживалась этой легенды, если не сама была ее автором, поскольку отличалась склонностью к мистификациям. Например, она рассказывала, будто маленького брата ее частенько посылали то за солью, то спичками к забавному человеку, жившему по соседству, и будто бы человек этот и был человеком в футляре, чему в детстве очень хотелось верить. Общие с Чеховыми знакомые несомненно были, в жизнеописаниях и письмах писателя встречаются фамилии таганрожцев, породнившихся с Попелями через браки с их детьми.

В августе1914 года Яков Арнольдович, несмотря на непризывной возраст, записался в армию добровольцем и через два месяца умер на Юго-Западном фронте от свирепствовавшего там тифа. В Таганроге он был популярен как актер любительского театра. «Весь Таганрог оделся в траур», — вспоминала двоюродная сестра Константина Яковлевича Анна Викеньтьевна Попель. Благополучие осиротевшей семьи пошатнулось, а в годы послереволюционной разрухи и Гражданской войны она, разумеется, и совсем бедствовала.

Марии Тимофеевне пришлось обшивать местных дам и вязать, в чем она была большой искусницей, а двенадцатилетний Константин давал уроки неуспевающим школьникам. При получении паспорта он добавил себе год для скорейшего устройства на работу. С 1922 по 1924 год, будучи слушателем Таганрогских социально-кооперативных курсов, он служил лаборантом химической лаборатории при них и одновременно электротехником в Народном театре, где в качестве актрисы выступала Ирина. В 1924 году они перебрались в Ленинград, где по-прежнему существовали на мелкие случайные заработки.

Константин поступил в последний класс 22-й Советской трудовой школы и продолжал давать уроки. По окончании ее он получил «Удостоверение», своего рода рекомендацию для поступления в университет: «Предъявитель сего, окончивший 2-ю ступень 22-й Советской школы тов. Ратнер К. Я. действительно состоял активным работником Медицинского Кружка при коллективе Р. Л. К. С. М. с 1 сентября 1924 года по 20 июля 1925 года, и в Лесном кружке с 1 апреля 1925 г. по 20 июля 1925 г. При этом, ввиду выдающихся способностей и знаний в области биологии, тов. Ратнер К. Я. с начала учебного года был выбран на должность лектора Медицинского Кружка и самостоятельно провел цикл лекций и практических занятий по биологии и элементарной медицинской зоологии, а также руководил практическими занятиями по анатомии человека. В Лесном кружке тов. Ратнер проявил большую активность в зоологических экскурсиях исследовательского характера. На основании всего вышеизложенного Медицинский и Лесной кружки характеризуют т. Ратнера как выдающегося по своей активности работника с ярко выраженным биологическим призванием, очень добросовестного и работоспособного».

В Таганроге он был увлечен театром, мечтал о режиссуре, но с переездом в Ленинград тяга к науке пересилила, и 6 августа 1925 года после успешной сдачи вступительных экзаменов, он был принят на географический факультет ЛГУ. По сути естественнонаучный, факультет объединял отделения геологии, биологии, ботаники, зоологии и географии. О творческой атмосфере на факультете вспоминали на своих домашних встречах в 60–70-е годы прошлого века его бывшие студенты 20-х годов: ботаники — член Академии наук СССР Михаил Платонович Петров, Елена Андреевна Шингарёва (дочь известного члена Государственной думы), этнографы Григорий Воробьёв, Юлия Балт, ихтиолог, доктор наук Валентина Михайловна Коровина, геологи Анна Сергеевна Корженевская, Валериан Александрович Котлуков, Мария Алексеевна Калмыкова, Эрна Артуровна Кальберг, Валентин Данилович Лопатин и другие. Звучали имена Ферсмана, Берга, Эдельштейна, Жемчужникова, Богораза.

На геофаке Константин Ратнер, не задумываясь, связал свои научные интересы с еще совсем молодой наукой зоогеографией, конкретно с ихтиологией, как ученик Льва Семёновича Берга. А тесную дружбу — с Валерием Чернецовым.

Валерий Николаевич Чернецов родился в 1905 году в Москве в семье архитектора. Юношей, работая радиотехником в геодезической экспедиции на Северном Урале, он проникся живым интересом к языку и культуре манси, в 1925 году по рекомендации профессора Владимира Германовича Богораза поступил на недавно им созданное на геофаке отделение этнографии.

В. Г. Богораз-Тан известен как народоволец, пламенный марксист, автор гневных антиправительственных стихов и прозы, которые печатал в своей подпольной типографии в Таганроге. Отбывая царскую ссылку на Камчатке, он увлекся, как В. Чернецов, этнографическими наблюдениями местных народностей. Исследования этнографа-любителя вызвали интерес специалистов, и несмотря на его бурную революционную деятельность публиковались. Он был признан как ученый еще до Октября.

В 1928 году неутомимо деятельный Владимир Германович Богораз организовал под эгидой Комитета Севера этнографическую экспедицию на Ямал в составе трех студентов геофака. Двое из них, студенты-этнографы четвертого курса Валерий Чернецов и Наталья Котовщикова, имели серьезный опыт экспедиционной работы — в 1926–1927 годах оба участвовали в переписи населения на Северном Урале среди вогулов и остяков.

В планы научных исследований на Ямале помимо этнографических были включены зоогеографические, и третьим участником стал третьекурсник Константин Ратнер. В первой в его жизни экспедиции ему были доверены самостоятельные исследования природных условий и фауны Северного Ледовитого океана. Мог ли он об этом мечтать?

Очевидно, не только он, все трое смотрели на поездку в сказочное Заполярье как на подарок судьбы. Из дневников В. Н. Чернецова неизвестно об их сборах, но без труда можно представить себе воодушевление и нетерпение будущих ученых, их желание мысленным взором окинуть шумную толпу друзей и родных, собравшихся 15 июля 1928 года на перроне Московского вокзала, увидеть среди них кого-то из профессоров и, конечно, самого Богораза, вдохновителя и организатора завидного предприятия, — проводы на «край света» в путешествие с научной целью случаются не каждый день.

Так или иначе, напутствия и пожелания счастливого пути и счастливого возвращения прозвучали — отзвучали, и сплоченная общими устремлениями тройка счастливцев 15 июля 1928 года пассажирским поездом выехала из Ленинграда на родину великого русского ученого — М. В. Ломоносова. 8 августа в Архангельском порту они «погрузились» (слова Чернецова) на борт ожидавшего их там гидрографического судна «Полярный» (построенное в 1911 году в Осло для китобойного промысла, оно было приспособлено к плаванью во льдах и в 1915 году приобретено Россией для поисков пропавшей экспедиции Брусилова, вспоминает Чернецов).

Сквозь льды, торосы и туманы Северного Ледовитого океана «Полярный» должен был доставить студентов к проливу Малыгина, и выгрузить их у мыса Дровяной вблизи острова Белый в районе порученных им исследований.

По непредвиденным обстоятельствам судно изменило курс, и 23 августа члены экспедиции сошли на пустынный берег Ямала в его южной части, на мысе Марре-сале. После ярких впечатлений от главного Северного морского пути и относительно устроенного корабельного быта им предстояло стать землепроходцами, чтобы со всем своим экспедиционным имуществом пересечь из конца в конец заснеженные пространства огромного полуострова, не имея в своем распоряжении ни оленей, ни нарт — единственного тогда транспортного средства приполярного Севера.

«...в 700 верст с грузом в 150 пудов...», — уточнит в своем полевом дневнике Владимир Петрович Евладов, замечательный сибирский ученый, руководитель Ямальской археологической экспедиции, в тот августовский день также оказавшийся на Марре-сале.

Валерий и Наташа были знакомы с ним по экспедиции 1926 года, встреча была неожиданной и радостной. Но позже, в своих записках «По тундрам Ямала к Белому острову» В. П. Евладов будет вспоминать об охватившей его тревоге за молодых ленинградцев, в своем безотчетном энтузиазме недооценивавших непомерные трудности, ожидавшие их. Особенно его огорчила их скверная экипировка и скудость продуктовых запасов, инвентаря и медикаментов: «Снабдились они весьма легкомысленно, при самой зиме они без теплой меховой одежды и обуви, палатка без печки. <...> Не нравилось мне то, что им в сумме всем четверым вместе с Васей Терентьевым (коми, мальчик 15 лет, проводник, переводчик. — *Т. С.*) едва минуло 80 лет. Не видал еще Полярный круг таких молодых ребят, одиноко заброшенных в снежную пустыню со свирепыми морозами, жестокими ветрами и стужами.

При таких-то условиях даже при обилии продовольствия гибла не одна экспедиция. У П. и Литке вряд ли было меньше продовольствия, но цинга их не миновала. <...> Я зорко слежу за предотвращением ее появления, а они просто как-то по-детски смотрят ей в глаза. <...> Если погибнут, то в этом будут виновны пославшие их <...>».

Бывалый полярник, все понимающий сибиряк Евладов щедро поделился с ленинградцами, чем мог, сопроводив реальную помощь бесценными советами и наставлениями. А далее плохо одетым, не слишком сытым «молодым ребятам» в преддверии безжалостной полярной ночи не от кого было ждать помощи, только от малопонятных им так называемых самоедов (искаженное самодийцы, они же ненцы, коренные жители Ямала).

Требовались немалые усилия с их стороны для достижения согласия с подлинными хозяевами полуострова (все еще чувствовавших себя таковыми) по самым насущным вопросам пропитания, перевозок имущества и передвижения. Достигалось это путем утомительных переговоров с предъявлением важных «бумаг с печатями», приходилось делиться сахаром, чаем, сушками, мукой из своих скромных припасов, а также неизбежать было даров: бус, бисера, пуговиц, тканей, табака, каких-либо иных привлекательных в северном обиходе вещиц — инструментов и прочего, предусмотрительно прихваченного из Ленинграда.

Однако больше постоянно возникавших бытовых проблем заботило заброшенных в холодную пустыню студентов то, что имело для них подлинно высокую цену: долг перед «пославшими их» и перед собственным призванием ученых. Неведомые пришельцы, с неясной для самоедов целью явившиеся на Ямал из далекого полумифического русского города, будут настойчивы в желании получить от местного населения хотя бы самые скупые этнографические сведения.

В дневниках Чернецова особое внимание привлекает диалог, записанный им 15 ноября 1928 года. Самоеды, оказавшие им в тот день гостеприимство, не склонны были везти на своих нартах двух странных русских и с ними молодую женщину, устремившихся на крайний север их земли.

Погруженные в свои житейские заботы, в нелегкий быт и неустанные труды, в свой особый, замкнутый мир аборигенов, они всячески уклонялись, хитрили, немного торговались и спрашивали:

– Зачем вы хотите ехать на Ямал? (очевидно, имелся в виду север Ямала. — *Т. С.*)

– Чтобы сделать карты, чтобы увидеть, как живут люди на Ямале, чтобы узнать, что им надо и в чем они терпят недостаток. Наша земля далеко, и мы не знаем, что здесь делается, — отвечал Валерий.

− Вы умрете, там очень холодно, а если вы умрете, то на самоедов плохо говорить будут. Если ни одного из вас в живых не будет, то, как узнают, может вас убили, — отвечали самоеды, не скрывая желания избавиться от праздного любопытства незваных гостей.

− Мы бумаги пишем каждый день, русские прочтут и увидят, от чего умерли. Мы на Ямале поживем, а потом и самоеды в нашу землю поедут..., — парировал Валерий.

− Нет, мы не терпим, у нас сердце узкое; у вас, русских, сердце широкое, вы не боитесь, мы боимся, — упирались самоеды.

− Валерию, опытному в общении с представителями далеких от европейской цивилизации народов удалось одолеть сопротивление упрямцев:

«Так шел разговор, пока самоеды не увидели, что не могут с нами ничего поделать и покорились <...> Наша карта побила, и мы выиграли сражение!» — записал он с гордостью победителя, и они тронулись в путь…

Остаток осени и всю полярную зиму-ночь трое русских с «широкими сердцами» в часы затиший между буранами, налетавшими с внезапностью смерча и длившимися по нескольку суток, двигались к северному побережью Ямала.

Преодолевая недоверие самоедов, стараясь обрести их расположение, они приноравливались к их нравам, образу жизни, постигали чужой язык и учились расставлять чум, запрягать оленью упряжку, править нартами, а если кто-то из ненцев вез их на своих, заслушивались удивительными песнями и сказками возниц, в передышках заносили увиденное и услышанное в дневники.

Их не пугал характер, мягко говоря, не ласковой природы Ямала «с его свирепыми морозами», насквозь промокшая в ледяной полынье одежда, неприятности вроде флюса или гнойного нарыва принимались ими как неизбежная проза жизни. Они героически мирились с ней ради счастья служить любимой науке, да и сама роль землепроходцев, кажется, была им по душе, они «проигрывали» ее с азартом молодости.

Довольствуясь макаронами, приправленными тюленьим жиром, лепешками из тех же макарон или крупчатки на том же жире, вызывавшем у них тошноту, они бывали счастливы, когда на ужин удавалось подстрелить пару куропаток. Не раз они обнаруживали у себя признаки цинги, жестоко мерзли, мастерили себе печурки из глины и успевали читать захваченную из Ленинграда литературу: «Вчера и третьего дня был буран <...> Второй день немного болят десны и слегка кровоточат. <...> Плюнул на снег, и слюна совсем красная от крови. Надо больше двигаться. <...> Вечером затопил печку <...> Прогрелись за все последние дни <...> Костя сидел у самой печки голый, прикрыв спину малицей, и прожаривал подошвы и флюс. Туго ему приходится. За время бурана он чинил чехол от винчестера, порванный оленем, и читал "Ластоногих" Смирнова...», — записал Валерий 1 мая 1929 года, уже в конце их пути на север. Таких записей — не одна...

Ночевали и в нетопленой палатке, а однажды выстроили для ночлега нечто вроде снежного иглу, и как-то соорудили подобие хижины из добытого из-под снега мерзлого дерна. Случались ночлеги в задымленных и грязных, зато теплых чумах, как правило, зажиточных самоедов, и тогда досыта наедались свежей олениной и рыбой, порой получая еще и подарки в виде теплых «ягушек».

Надо сказать, и профессор Владимир Германович не оставил своих посланцев на ледяной Север без внимания. «Он был так любезен», что, едва вернувшись из поездки по Америке, прислал им... не консервов и витаминов! — «коробку с печеньем и конфетами»! К великой досаде неизбалованных студентов все было тут же уничтожено некстати заглянувшим к ним в палатку самоедом. Тот «запустил в эту коробку руку, и через момент от ее содержимого осталось одно воспоминание. Конфет было жаль, но ничего поделать нельзя», — не сдерживает досаду Валерий...

Так, с трудностями и с чувством юмора, не теряя собственного достоинства, радуясь любому теплу и подножному корму, они двигались под черным, колючим от холодных полярных звезд небом сквозь пространства равнодушной, скорее враждебной к ним белой пустыни и к началу полярного дня вышли к намеченным широтам. 8 мая ими было принято решение разойтись для работы в отдаленных друг от друга точках побережья, 10 они расстались, и всякая связь между ними прекратилась.

Наташа Котовщикова, которой еще в Ленинграде была поручена роль руководителя экспедиции, в одиночестве последовала в избранном направлении за чумами самоедов. Она уже умела запрячь оленью упряжку, самостоятельно управляла нартами, неплохо усвоила ненецкий язык и, даже почувствовав себя больной, продолжала исполнять долг ученого: вела наблюдения и дневник.

И очень скоро произошли события, последовательность и причины которых в наши дни с неопровержимой достоверностью выяснить не представляется возможным. Трудности такой попытки возникли сразу после неожиданной и по сей день загадочной ее смерти.

Запись в дневнике Чернецова, сделанная через месяц после трагедии, фактически запись допроса самоедов и их путаных показаний, не решает этой загадки, лишь проливает на нее некоторый свет: «17 июля 1929 года, чум самоеда Сейко Ямал. <...> Присутствующие самоеды, свидетельствуя свои слова приложением личной тамги, рассказали следующее. 15 июня 1929 года самоеды Тёроку и Тэл из рода Уэнонга вывезли <…> Наталью Александровну Котовщикову **против ее желания** на побережье пролива Малыгина на мыс Хае-сале к имеющемуся там береговому знаку. Тёроку Уэнонга должен был на другой день выслать оленей за сотрудником экспедиции К. Я. Ратнером <…>. Тёроку, однако, за Ратнером не выехал, и за ним приехал значительно позже Серкоти Вануйта **(точно срок установить нельзя, так как произошел сбой в счете дней на несколько суток).**

Прибывший на другой день (на какой другой день? — *Т. С.*) К. Я. Ратнер нашел Н. А. Котовщикову уже мертвой. Вывезя уже больную Н. А. Котовщикову, Тёроку и Тэл Уэнонга не позаботились даже о том, чтобы приготовить для нее дрова, хотя знали, что топора у нее не было, и не помогли ей соорудить палатку...», — таким нескрываемо тяжким упреком самоедам, в котором и гнев, и боль и горечь утраты, дневник Чернецова 1928–1929 годов обрывается.

А год спустя в журнале «Этнография» за его подписью будет опубликован пространный некролог, в котором немало противоречивого в рассказанном ему самоедами.

«Всех подробностей ее трагической гибели выяснить не удалось, и лишь в общих чертах ее можно восстановить по дневникам Натальи Александровны и со слов самоедов, **бывших с нею до последнего времени**», — пишет Валерий.

Но далее читаем: «...самоеды уехали, и Наталья Александровна **осталась одна** во временной палатке, сделанной из паруса, наброшенного на нарты».

*Так до ее смертного часа или до некоего «**последнего времени**» она оставалась одна?!*

По некрологу Константин, не имея связи с внешним миром, проводил исследования в устье реки Яхады в 25 км от места работы Наташи. 9 июня он случайно набрел на чум самоеда Опотете и узнал от него о ее нездоровье и о том, что она находится в чуме Тёроку Вэнонга. Он просил Опотете как можно скорее отвезти его туда или хотя бы указать дорогу. Тот пообещал, что «**на следующий день»** за ним обязательно приедет Тёроку и отвезет его на мыс Хае-сале» (??!!)

Но если верить дневниковой записи Чернецова, Наташу «вывезли» на Хае-сале только 15–16 июня, по некрологу же встреча Константина с Опотете состоялась за неделю до того, 9!!!

«Константин, успокоенный, вернулся к себе, но на другой день (10??!!) Тёроку не приехал, а еще на следующий день (11) поднялся жестокий буран, не позволявший даже выглянуть из палатки», — читаем в некрологе.

И не позволивший Константину выехать в чум Тёроку на помощь больной Наташе, должен был добавить некролог! Ибо до Хаэ-сале оставалось еще несколько суток!

«Буран длился четверо суток» (с 10 по 14–15 приблизительно?), и только когда он утих, к Константину явился самоед Еволе с запиской, написанной Наташей уже у берегового знака на Хаэ-сале в день, когда самоеды вывезли ее, и полученной Еволе 16, очевидно, от Тёроку.

А когда же эта записка была передана Константину? И сколько дней и ночей Наташа провела в одиночестве?

«<...> мы все сбились со счета дней из-за наступившего полярного дня»,— повторяет в некрологе Валерий, и этот злополучный сбой, кажется, вуалирует не только последовательность, но и суть событий.

В Наташиной записке, сохранившейся до наших дней лишь в архиве Евладова и только в копии, рукой Чернецова неразборчиво, быть может по размытому оригиналу, Наташа писала: «Костя, за тобой приедут **завтра** и привезут сюда. Мне страшно нездоровится, и лежу здесь без палатки. **Захвати *(ла?)*** все имущество. Н. Хае-сале, у берегового знака».

По некрологу: Константин торопил самоедов, приехавших **«значительно позже»**. Они выехали немедленно. Но наступившая вслед за бураном оттепель удлинила их путь на много часов, Яхада вспухла и разлилась, и вынудила их сделать крюк «километров в 30». Прибыв к береговому знаку, они нашли Наташу, лежащей на снегу «в 30 шагах от нарт, с наброшенным на них куском брезента», единственным ее укрытием. Рядом лежала сумка с дневниками...

Когда растает снег, найдутся ее письма родным и товарищам. Последние также сохранены Евладовым. Наташа писала: «Милый Валя! Пишу в чуме Тёроку рано утром, когда все еще спят. Мне очень нездоровится, кажется, у меня началась цинга, и припухли десны. **Вероятно, от хронического недоедания**».

И уже от берегового знака, без даты, Наташа сбилась со счета дней: «Милый Валя! В случае моей смерти тебе придется воспользоваться частью собранных мною материалов для отчета. Мне очень скверно. Сейчас все время сильный озноб и временами судороги. Хаэ-сале». Это было прощание и завещание.

Но самое последнее ее письмо с очевидностью доказывает: единственно реальным, кроме ее болезни и смерти, было то, что и в последние свои минуты она не теряла самообладания: «Валя и Котя! Это письмо рассчитано на то, что мы не увидимся. Я оставляю базу и иду к Коте на Яхады», — писала Наташа коченеющей рукой.

«Я оставляю базу и иду...»! Невероятным усилием воли истощенная, измученная болезнью, голодом и холодом хрупкая девушка делает последние в своей жизни тридцать шагов в сторону стоянки Константина с намерением одолеть расстояние в 25–30 км и падает на снег. Так можно нарисовать себе эту картину?

Об испытанном Константином шоке не будем говорить. Но о том, чего нет в некрологе, знали из первых уст многие в Ленинграде. Гибель Наташи широко обсуждалась среди преподавателей и студентов, и Валентина Михайловна Коровина помнила: Константин положил тело Наташи на нарты и долго и трудно вез его пешим ходом вдоль побережья к своему отдаленному жилью, состоявшему из внешнего и внутреннего чумов. Он сберегал его в пространстве между ними до приезда Валерия, оповещенного о трагедии с большой задержкой из-за огромности расстояния или по каким-то иным, неизвестным нам причинам, о которых можно строить лишь предположения.

Все это время самоеды преследовали Константина, обвиняя его в нарушении табу и требуя немедленно отдать земле мертвое тело. Как можно понять из записей Черне-

цова, табу заключалось в следующем: если человек умирает зимой, его возят на нартах, весной же делают «настоящий хальмер» — хоронят покойника.

В статье, приуроченной к 60-летней годовщине гибели Н. А. Котовщиковой, историк А. И. Пика писал: «...15 июня, как видно из ее дневника, **по ее просьбе (так пишет Чернецов)** братья Тёроку и Тэл Уэнонга вывезли Котовщикову к проливу Малыгина...» Но в ее дневнике ничего уже увидеть нельзя, ибо местонахождение его до сих пор неизвестно. И в своем некрологе Наташе Котовщиковой Чернецов **«так»** не пишет**.** А вот в его дневниковой записи 17 июля мы имеем возможность прочесть диаметрально противоположное — «**против ее желания»**.

Самоедам лгать на тамге рода (тамга — родовой фамильный знак. — *Т. С.*), все равно, что европейцу на Библии. Еще 26 марта Чернецов записал разговор нескольких из них о том, что если кто соврет, то «пусть заболеет!» Уже тяжелобольная Наташа оставляет теплый чум с добровольным решением выехать к береговому знаку для встречи с судном «Прибой», которое, якобы, изменивши курс, как заверили ее самоеды, должно было прийти в эту точку побережья для выгрузки экспедиционного имущества. Об том, возможно, она и писала в дневнике?

Помня о повседневно проявляемом ею героизме, это не трудно себе представить. Но можно строить лишь предположения, сопоставляя плохо сохранившуюся записку, из которой не ясно, захватила ли Наташа имущество или просила Константина в случае ее смерти захватить его, с записью в дневнике Чернецова 8 мая о планах экспедиции, связанныхс курсом «Прибоя», с некрологом, ничего не сообщающем о факте прибытия судна на Хаэ-сале и с признаниями самоедов 17 июня, в которых о «Прибое» ни слова...

И возникают вопросы.

Если не история с “Прибоем”, то что заставило Тёроку и его соплеменника вывезти больную Наташу **«против ее желания»,** оставив ее на Хаэ-сале в полном одиночестве, на заведомую смерть?

И **почему ей самой пришлось управлять нартами** по дороге туда, о чем читаем в некрологе и о чем Валерий и Константин узнали из недошедшего до нас дневника Наташи?

И, наконец, почему не сам Тёроку, а его посланец Еволе, с опозданием в энное количество дней, явился к Константину с запиской, датированной Наташей 15 июня? К этому числу даже при приблизительном подсчете дней буран должен был утихнуть. Иначе они не могли бы выехать на Хаэ-сале и в тот же день благополучно вернуться в стойбище. Что заставило их поступить столь жестоким образом?

Поздние свидетельства В. М. Коровиной говорят о том, что решение самоедов вывезти Наташу было вызвано ее попытками производить антропологические измерения женщин и детей. Можно считать это еще одним недостоверным апокрифом, но он покажется похожим на правду, если прочитать запись в дневнике В. Н. Чернецова, сделанную немногим более, чем за месяц до трагедии, 8 мая1929 года, то есть за два дня до того, как члены экспедиции расстались. В тональности этой записи определенно слышится доза недвусмысленной иронии человека иной цивилизации: «Наташа было вздумала у Хаэ в чуме вытащить антропометр, и последний пришел буквально в ужас (еще мне он изливался, что Наташа хочет мерить женщин и детей, отчего они непременно помрут).

Какие еще табу могла нарушить Наташа невольно и тем разгневать мирных самоедов? Вероятно, табу для женщин, их было больше, чем для мужчин.

Никто сегодня не скажет, хорошо ли запомнила самозабвенно погруженная в науку Наталья Котовщикова наставления мудрого В. П. Евладова, предупреждавшего ее при встрече на Марре-сале о необходимости «осторожного и тактичного отношения к ненцам»? Однако некролог ничего не сообщает о возможных тактических ошибках

начальника экспедиции, напротив, Чернецов пишет о легкости и дружелюбии ее общения с аборигенами.

Так не легче ли поверить самому вероятному: сочтя чужую больную приезжую уже обреченной, самоеды поступили с ней так по непреложному закону их суровой жизни? И тогда, может быть, станет понятно, почему ей пришлось самой управлять нартами по дороге к месту своей гибели...

А если с ее стороны и были допущены ошибки, наряду с другими роковыми обстоятельствами, стоившими ей жизни, они не снижают ее героического образа: Наташа выполняла долг, внушенный ей не только энтузиазмом ее времени, но и собственным призванием ученого.

Чернецов писал в некрологе: «Все, знавшие Наталью Александровну, всегда поражались ее исключительной энергии и тем упорством, с каким она работала. Котовщикова никогда не считалась со своим силами. Перед ней стояла задача, и она шла к ее исполнению, не задумываясь ни перед какими трудностями. Еще 15 она управляла нартами и сделала запись об оленьем промысле. Со смертью Натальи Александровны Котовщиковой экспедиция потеряла своего наиболее важного и энергичного члена, и те вклады в науку, которые дала бы столь способная и талантливая работница, в значительной степени погибли вместе с ней <….>».

Из сложных соображений такта в туманном некрологе сообщено, несомненно, значительно меньше того, о чем могли догадываться и Чернецов и Ратнер, а Константин, принимавший участие в его составлении, мог знать наверняка. Вероятно, из тех же соображений не введены в него тексты отчаянных писем Наташи, сохранившихся также лишь в копиях у Евладова.

Но нельзя не согласиться с А. И. Пика в том, что искать на Ямале виновников давней трагедии бессмысленно. Давно нет тех самоедов, изменился менталитет северных народов, нет в живых ни участников, ни преступно-бездумных организаторов не продуманной студенческой экспедиции.

Скоротечная цинга — внезапный буран — конфликт с самоедами? Одна цепь, скорее всего, и все **«лишь в общих чертах»...** И сколько бы ни обвинять «пославших их», а они виновны в первую очередь (не назвавший их имен, В. П. Евладов был прав), сколько бы ни были опрометчивы и безмерно отважны участники экспедиции, будем считать главным виновником время. Двадцатые годы, требуя от человека героизма и самопожертвования в любых обстоятельствах, обесценивали его жизнь, а Наташа Котовщикова, похоже, не ценила свою вне науки.

«Пассионарий» — сказал бы о ней Лев Николаевич Гумилёв.

Но на общем обелиске-стелле, нынче воздвигнутом на Ямале, высечены имена троих студентов Ленинградского университета двадцатых годов, которым Анатолий Константинович Омельчук в 1982 году навсегда присвоил звание рыцарей Севера.

А тогда там было очень страшно. Как свидетеля, а возможно и подозреваемого, Константина не могли не привлечь к расследованию. Ни он, ни Валерий не говорили «на самоедов плохо», а вот из бумаг, что они «писали каждый день», не все ясно и сегодня.

До Ямала веселый общительный молодой человек, любимец учителей, друзей и родных Котя Ратнер, как с нежностью называли его в близком окружении, вернулся в Ленинград на грани нервного расстройства и надолго был погружен в состояние тяжелой депрессии. «Он больше не шутил и долгое время не улыбался, это был совсем другой человек», — вспоминала В. М. Коровина.

Однако студенческая экспедиция 1928–1929 годов вошла в историю науки не только трагической гибелью Наташи Котовщиковой. Двое ее участников продолжали работать до конца декабря 1929 года. Они добрались до ледяного острова Белый и до острова Агнессы (о. Шокальского). Ими было собрано и описано огромное количество

бесценного для науки материала, зоологического и, в первую очередь этнографического, к которому до сих пор обращаются ученые. На основании одной из их археологических находок ими была сделана (с Богоразом вместе) попытка объяснения истории заселения крайнего Севера России, долгое время владевшая умами ученых. Но об этом могут судить лишь искушенные в науке историки и этнографы.

А дневники В. Н. Чернецова, его «реальные записи» и рассказы настолько насыщены сведениями, так талантливо написаны, что прочесть их интересно было бы не только специалистам. Хотелось бы увидеть их изданными, с комментариями и картами, качественным воспроизведением его экспедиционных зарисовок, познакомить с ними новые поколения. Это наша история, это наши скромные, мало кому известные героические ливингстоны и скотты. Среди нынешнего океана книг такая не затерялась бы.

Можно еще добавить, что 16 ямальских месяцев, исполненных общих лишений и благородного труда на благо науки и, конечно, пережитая трагедия, сблизили двух молодых людей, словно братьев, и вскоре их соединят по-настоящему семейные узы: Валерий станет мужем Ирины, сестры Константина. Она тоже приобщится «к северному рыцарству», участвуя в 30-е годы в просветительской деятельности мужа среди вогулов и ненцев в экспедициях на Крайнем Севере, а также в Ленинграде в Институте народов севера.

Получив только домашнее образование, она неплохо знала европейские языки, прекрасно владела французским, и ей легко дались языки вогулов, манси, зырян. Любя русскую литературу, западную и вообще словесность, которая, похоже, была ее призванием, она нашла себя, став соавтором мужа в составлении словарей и учебников для северных национальных школ. Автор нескольких переводов русских сказок на языки народов Севера, она вспоминала, что наотрез отказалась от перевода популярнейшего у нас «Барона Мюнхгаузена»: «Да, они просто ничего не поймут, они не понимают лжи!» (Ведь от нее недолго и заболеть!)

Константин Яковлевич на Ямале больше не бывал. Но оставался рыцарем Севера. По окончании университета он работал ихтиологом на Кольской базе Академии наук. О встрече с ним оставил теплую запись в своем полевом дневнике его сверстник, будущий основатель Лапландского заповедника и известный ученый Олег Измайлович Семёнов-Тяншанский: «Вечером, в 19 часов ко мне пришли два ихтиолога, работающие на Имандре, очень симпатичные, от коих я много узнал поучительного (особенно от Константина Яковлевича Ратнера) насчет Хибинской природы. По его словам, здесь из амфибий одна Rana temporaria (б. м. + R. Arvalis), из рептилий Laceravivipera и очень редко Vipera beres... <…>... Самый мыс Хибинских гор, как он мне говорил, представляет из себя лакколит…» (Далее идет текст, который мог бы заинтересовать лишь специалистов в вопросах ихтиологии, зоогеографии и геологии Арктики. — *Т. С.*) «Ихтиологи ушли в 21 час».

Вне полевых сезонов в первые годы после университета К. Ратнер работал в Зоологическом институте, а с 1937 как библиограф в БАНе. С начала военных действий по согласованному с Правительством распоряжению, О. Ю. Шмидт обязал сотрудников Академии наук оставаться в Ленинграде для охраны научных учреждений, расположенных на Стрелке Васильевского острова. Одним из первых К. Я. Ратнер записался добровольцем в Народное ополчение. Справка, выданная Елене Сергеевне дирекцией БАНа в 1945 году, подтверждает, что он «исполнял ответственные поручения Библиотеки АН СССР и энергично участвовал в оборонных работах Ленинграда».

В свидетельстве о смерти стоит дата 20 января 1942 года и сообщается, что смерть наступила в результате недостатка сердечной деятельности. Истина, которую можно расценить как эвфемизм, тогда общепринятый. По одной версии смерть застала его в госпитале Аничкова дворца, Ирина Яковлевна навещала его там. Архивов этого госпиталя не сохранилось, единственного из блокадных госпитальных архивов Ленинграда.

Другая версия — его подняли с обледенелой заснеженной мостовой на Стрелке Васильевского острова. Еще одна ледовая трагедия вкупе с голодом и братская могила на Серафимовском кладбище (предположительно). Квартира, в которой оставался он один, вскоре была опустошена и заселена другой семьей. Почти все «бумажное», видимо, тогда и пошло на растопку. Не осталось ни записей, ни экспедиционных дневников, ни зарисовок, их уже никто никогда не увидит, а перед самой войной была готова к защите кандидатская диссертация. Все погибло «вместе с ним» — отнесем эти слова Чернецова и к «третьему участнику» студенческой экспедиции 1928–1929 годов на Ямал.

В подвале дома, куда были снесены домашние вещи, сохранились старинный полевой бинокль, круглые очки в металлической оправе с синими стеклышками — «снежные», «Зоологический атлас» — недорогое дореволюционное иллюстрированное издание, два тома Элизе Реклю «Человек и Земля».

И еще — Фритьоф Нансен — «В стране льда и ночи», в мягкой обложке, с подробными описаниями сборов знаменитого ученого и путешественника в арктические широты. По Нансену, он готовил себя в рыцари Севера, не думая, что посмертно удостоится этого звания.

Можно поразмыслить о Карме, или о ритмах в судьбах отца и сына: первый погибает в начале Первой мировой войны, второй — в начале Второй.

Ирина Яковлевна весной 42-го выехала с матерью из Ленинграда по Дороге жизни в Краснодарский край и вскоре оказалась на оккупированной территории. По окончании войны она была репрессирована, освободившись, жила в Луге и работала по договорам в Академии наук в рабочей группе по составлению словаря Ожегова, подействовала помощь университетских друзей брата и В. Н. Чернецова. Тогда же она восстановила по памяти и записала несколько сказок по мотивам северного фольклора. Детгиз готовил их к изданию, одна была обнаружена родными в каком-то сборнике после ее смерти. Рукописи сохранены в семье и ждут издателя. Умерла в 1968 году в Ленинграде, реабилитирована посмертно.

Елена Сергеевна Корженевская самостоятельно преодолела все трудности военного и послевоенного времени. С геологической партией Леннерудтреста с осени 1941 года до окончания войны она вела поисковые работы на Урале, в Башкирии, в 1947 году успешно защитила кандидатскую диссертацию и в течение многих лет руководила в НИИ геологии Арктики лабораторией спорово-пыльцевого анализа. В трудные минуты ее выручало неизменное дружеское участие университетских друзей и родных Константина Яковлевича.

В свою очередь, невзирая на трудности собственной жизни — невыносимый быт в одиночестве, дети, работа, — она приютила на первое время в своей единственной крохотной комнате в коммунальной квартире вернувшуюся в 1954 году Ирину Яковлевну и до ее смерти поддерживала ее существование, ибо была человеком необыкновенной доброты и душевной щедрости.

В Петербурге живут дочь Константина Яковлевича и Елены Сергеевны Марина Константиновна Павлова, по специальности детский хирург, двое внуков: Константин Викторович Павлов — архитектор, Алексей Геннадьевич Сотников — биолог, кандидат наук, педагог, и две правнучки — студентка Института телевизионной режиссуры Мария Константиновна Павлова и студентка Института культуры Александра Константиновна Павлова.

А также автор этих строк, высказавшая свою точку зрения на события экспедиции и долю участие в них ее отца Константина Яковлевича Ратнера.

Сотникова-Ратнер Татьяна Константиновна
2014 год, Санкт-Петербург

Несколько слов о Н. А. Котовщиковой*

Наталья Александровна Котовщикова родилась 11 января 1906 года в г. Кашине Тверской губернии. Об отце в своих анкетах она не сообщает. Мать — Е. И. Котовщикова, врач-психиатр, в начале двадцатых ординатор психиатрической клиники и преподаватель Крымского университета в Симферополе, а с 1925 года — уже в Ленинграде врач-психиатр 3-й Психиатрической больницы. Младшие сестры — Аделаида и Марианна Александровны Котовщиковы. Документы Личного дела Н. А. Котовщиковой в Архиве ЛГУ свидетельствуют о трудностях материального порядка трудовой интеллигентной семьи, которая лишь способствовала ее необыкновенной целеустремленности.

Все подтверждает: Наташа не стремилась к карьере кабинетного ученого, она была прирожденным деятельным исследователем «полевиком» с независимым волевым характером и разнообразием научно-исследовательских интересов. В Симферополе после общеобразовательного подготовительного к университету техникума она поступила на биологическое отделение физико-математического факультета Крымского университета. Занималась изучением фауны Черного моря на Севастопольской биостанции, увлекалась проблемами страноведения и зоогеографии. Свою просьбу о переводе в ЛГУ в 1925 году она мотивировала так: «Я хотела бы расширить свое образование в области зоогеографии и получить возможность специализироваться и работать в выбранном мною уклоне». По направлению Крымского университета ее зачислили на географический факультет ЛГУ на второй курс с учетом оценок, сданных в Крыму экзаменов. К этому времени она, видимо, увлеклась этнографией и выбрала этнографическое отделение. В первый год пребывания в ЛГУ она была избрана в Президиум секции финно-угорских народностей и в 1926–1927 годах, как сказано выше, участвовала в переписи населения у вогулов и остяков.

А через два года последовало трагически завершившееся участие ее в богоразовской студенческой экспедиции на далекий Ямал. 3-го августа 1929 года в Академию наук на имя Богораза пришла телеграмма: «Котовщикова умерла причины не известны сообщите родным **<u>снимет</u>** **<u>конце августа</u>** **<u>«Прибой</u>...»** Чернецов Новый порт Обской «Прибой»

<u>Что снимет?</u> На подлинном бланке, хранящемся в Архиве ЛГУ, приписка карандашом: **«г. Кашин, Тверская губерния, Лесной 13, кв. 45»**. Естественно предположить, что Валерий и Константин думали в те дни не только об оповещении, но и о том, что у матери и сестер возникнет законное желании похоронить дорогого им человека в родном городе. Если и был такой замысел, он остался неосуществленным.

Сегодня мы знаем, что в 1931 году силами местных властей на Хаэ-сале были произведены эксгумация и чудовищная, оказавшаяся по сути никчемной, судебно-медицинская экспертиза для попытки установления вины в смерти Н. А. Котовщиковой названных в дневниках Чернецова самоедов, свидетелей трагедии, в связи с их, якобы, имевшем место сопротивлением Советской власти. Кроме того, в 2005 году журнал «Родина» статьей А. К. Омельчука *(Родина. 2005. № 9. С. 60–62)* сообщил, что могила Н. А. Котовщиковой, отмеченная столбиком с латунной табличкой, 18 сентября 1997 года обнаружена на мысе Хае-сале. 13 августа 1929 года ЛГУ выдал часть ее личных документов младшей сестре Марианне, а письма и, возможно, дневники, или часть их скорее всего были переданы семье по возвращении В. Чернецова и К. Ратнера с Ямала.

Сестра Аделаида Александровна окончила два курса Академии художеств, затем вечернее отделение Литературного института им. Горького. Ее повести и рассказы для детей издавались и переиздавались Детгизом неоднократно. Умерла она в 1986 году. Биографию ее составила исследовательница Г. Антонова и опубликовала в Интернете.

---

* Сведения о Н. А. Котовщиковой взяты из ее Личного дела, хранящегося в архиве ЛГУ. Ее письма и записка К. Я. Ратнеру процитированы по указанной книге В. П. Евладова.

Марианна Александровна, самая младшая из сестер, стала известным врачом, доктором медицины. У обоих были дети, и, возможно, внуки, возможно, у них сохранились какие-то семейные архивы, и чудом — письма и дневники Натальи, — в таких семьях обычно хранят архивы. Довоенные ленинградские адреса Котовщиковых известны по Личному делу Натальи Александровны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евладов В. П.* По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992. С. 205–2015.

2. *Чернецов В. Н.* Этнография.1930. № 1. С. 158–160.

3. *Чернецов В. Н.* Дневники // Источники по этнографии Западной Сибири. Томский университет, 1987.

4. *Омельчук А. К.* Лозум хум // Рыцари Севера. Свердловск, 1982.

5. *Омельчук А. К.* На краю света, на мысе Хае-сале // Родина. 2005. № 9. С. 60–62. Наша страна. № 1531. Суббота 28 мая. 1983.

6. *Хомич.* Статья о Ямальской экспедиции 1929 года // Историческая этнография. ЛГУ, 1983.

7. Альманах «Живая Арктика». WWW.Laplandzap.ru

8. *Пика А. И.* Новые материалы об этнографической экспедиции на Ямал 1929–1930 гг. journal.iea.ru.>archive/1980S/1989/Pika_1989